

Peter James
PROPHECY
Copyright © Peter James/ Really Scary Books
Ltd., 1992
All rights reserved
First published in 1992 by Orion, London

Перевод с английского Б. Дмитриева

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

Джеймс П.

Пророчество : роман / Питер
Джеймс ; пер. с англ. Б. Дмитриева.
— СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2018. (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-14739-3

18+

В сутолоке вокзала Франческа
Монсанто сталкивается с галантным

джентльменом и его симпатичным сынишкой. Мужчина помогает ей занести багаж в вагон, и девушка, помимо признательности, чувствует необъяснимое притяжение к незнакомцу. Вскоре — совершенно случайно! — ей на глаза попадает частное объявление в журнале. Франческа приходит в замешательство, понимая, что тот привлекательный мужчина, которого она мельком видела на вокзале, ищет с ней встречи. Отбросив сомнения, она решает ответить Оливеру Халкину согласием.

Череда ужасных катастроф, происходящих вслед за этим, казалось бы, не может быть связана с ее новым, таким приятным знакомством. Но когда отношения с Оливером и его странным маленьким сыном оборачиваются настоящим кошмаром, Франческе становится ясно: кровавые события не являются простым совпадением.

© Перевод. ООО «Издательство
Центрполиграф», 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
Джесси*

ПРОЛОГ

26 марта 1652 года

По одной из улиц Лондона торопливо шагали мужчина и мальчик, стараясь держаться в стороне от сточных канав. Мужчина крепко держал мальчика за руку тощими, костлявыми пальцами и сворачивал то в один темный переулок, то в другой, словно крыса, заучившая свой путь в лабиринте.

Мальчик был в растерянности и не знал, что и думать: этот незнакомый человек не нравился ему. Он пошептался о чем-то с матерью мальчика, и та не поцеловала сына и даже не посмотрела на него, когда мужчина

уводил его. Они шли уже довольно долго; на город спускались сумерки, лил дождь, мальчик устал и хотел есть. И ему было страшно.

Вскоре они остановились на заднем дворе большого дома, и мужчина громко постучал. Дверь немного приоткрылась, на них с подозрением смотрела черноглазая женщина.

— Входите, — произнесла она, и дверь открылась шире.

Мужчина втолкнул мальчика в кухню.

Такая женщина кого угодно смогла бы напугать. Она была высока, одета в черное платье. Злое лицо туго обтягивала кожа, и мальчику казалось, что на него смотрит череп.

— Сколько ему лет?

— Восемь, — ответил мужчина.

— Он воняет.

— Его надо помыть, вот и все.

Женщина внимательно рассматривала мальчика. Светлые кудри, свалявшиеся от грязи, большие голубые глаза, курносый нос, уголки губ угрюмо опущены. Он был в грязных лохмотьях, бос.

— Подождите здесь, — произнесла она.

Мальчик стоял, уставившись в каменный пол, поглядывая на пламя в очаге и на котел над огнем, из которого шел едкий, неприятный запах.

Через несколько мгновений дверь снова открылась, и женщина вернулась в сопровождении высокого прихрамывающего мужчины, одетого в длинный, до пола, расшитый золотом халат. Жестокое, самодовольное лицо обрамляла аккуратно подстриженная бородка. Он остановился в дверях и с одобрительной улыбкой посмотрел

на мальчика.

— Хорошо, — произнес он. —
То, что надо.

Приволакивая ногу, он подошел поближе к мальчику и снова остановился, любуясь им.

— Превосходно.

Мальчика удивила одежда незнакомца и его аристократическая внешность. Мужчина подошел еще ближе и внезапно одним быстрым движением сорвал с ребенка одежду, которая упала к его ногам.

Мальчик потрясенно смотрел на незнакомца. Вельможа сделал еще шаг к малышу и положил ему руку на плечо. Мальчик дернул головой, с силой укусил запястье мужчины и рванулся к двери в дальнем конце кухни.

Человек, который привел его сюда, ухватил мальчика за волосы и крепко держал. Вельможа расхохотался:

— Замечательный, бойкий мальчик. На этот раз ты исполнил все очень хорошо.

— Благодарю вас, милорд.

— Хорошо, — повторил он, разглядывая тело мальчика с растущим удовлетворением. — Я награжу... — Он остановился, услышав неясный шум за дверью кухни. Вельможа нахмурился. — Они пришли рано. Слишком рано. Они должны были прийти не раньше чем через два часа, не так ли? — Он повернулся и посмотрел сквозь открытую дверь в коридор.

Через порог шагнул человек в высокой черной шляпе и черном мундире с жестким белым воротничком. Его сопровождал отряд солдат в красных, подпоясанных шарфами мундирах и серых бриджах армии парламента.

Вошедший обвел комнату стальным взглядом и, обнаружив

вельможу, произнес с недоброй улыбкой:

— Добрый вечер, Фрэнсис. Я не помешал твоим забавам?

— Что значит твое вторжение, Томас? — Вельможа раздраженно уставился на солдат, столпившихся в дверях; решительные взгляды солдат не предвещали ничего хорошего.

Человек в черной шляпе посмотрел на женщину и стоящего возле нее мужчину с крысиным лицом.

— Кто привел сюда ребенка? — Не услышав ответа, он повторил громче и строже: — Кто привел его?

— Я, — произнес мужчина с крысиным лицом.

— Оденьте его и отведите обратно. — Он повернулся к женщине. — Сколько сейчас в доме слуг?

Женщина взглянула на своего

хозяина, словно прося позволения ответить.

Раздражение на лице вельможи сменилось неуверенностью.

— Томас, я не буду заниматься этим. Забери своих людей, и немедленно уходите.

Человек в черной шляпе не обратил на его слова ни малейшего внимания и продолжал смотреть на женщину.

— Я хочу, чтобы все слуги покинули дом и не возвращались до наступления комендантского часа. Понятно? — Он повернулся и кивнул солдатам.

Те шагнули вперед и схватили вельможу за руки. Тот был в ярости.

— Томас, брат мой! Ради бога! Ты понимаешь, что делаешь?

— Бог? Ради бога? — насмешливо отозвался брат. — Что знаешь ты о Боге, ты, который отверг его двадцать пять лет назад?

Он вышел из кухни и по коридору прошел в красиво отделанный холл: пол был вымощен черными и белыми плитами, на стенах — свечи в резных подсвечниках, вдоль стен стояла позолоченная мебель. Солдаты во главе с сержантом протащили следом вельможу в халате, на них его протестующие вопли действовали не больше, чем на брата.

Они спустились в темный, омерзительно пахнущий подвал и замерли у двери, перед которой горела свеча. Томас побренчал ключами перед носом своего брата, открыл дверь и вошел в огромное подвальное помещение.

В очаге с кирпичным дымоходом, устроенном у дальней стены, ярко горел огонь; треск поленьев, как ружейные выстрелы, эхом отдавался от кирпичных стен и каменного

пола. На стенах висели каменные таблички; на некоторых были пятиконечные звезды, на других — ряды чисел. Черепа и кости людей и животных лежали на полках между горящими черными свечами.

В конце комнаты на возвышении, похожем на алтарь, стояла кровать, застланная покрывалом с бахромой. По углам торчали массивные черные свечи. На аналое лежала книга в кожаном переплете.

Пока солдаты, трепеща от страха, озирались по сторонам, человек в черной шляпе кивнул брату:

— Огни ада уже зажжены, милорд?

— Больше я не собираюсь играть в эти игры, Томас. Чего ты хочешь?

— Это не игра, Фрэнсис, уверяю тебя. Это то, что ты устроил себе сам. Я ухожу, мне предстоит проделать долгий путь до темноты. Так что с твоего позволения я

удаляюсь. Оставляю тебя на попечении сержанта Прудлава. Он во всех отношениях прекрасный человек и отец троих мальчишек.

Томас кивнул сержанту с грубым тупым лицом и вышел. Не обращая внимания на крики брата, он плотно закрыл за собой дверь подвала.

— Значит, любите развлекаться с маленькими мальчиками, ваша светлость? — спросил сержант.

Взглянув на него, на каменные лица шестерых солдат, вельможа почувствовал, что ярость куда-то исчезла. Его охватил липкий, холодный страх.

— Ваше вторжение недопустимо, — выдавил он из себя.

— Еще одно небольшое вторжение, и мы тут же уйдем, милорд. — Сержант усмехнулся, солдаты тоже хрипло рассмеялись. Он кивнул им, и те впились в свою жертву стальной хваткой.

— Отпустите меня сейчас же, я приказываю! Что все это значит?

Сержант показал на кровать. Солдаты подтащили вельможу и бросили на кровать лицом вниз. Сержант снял шарф, которым был подпоясан, и завязал им рот своему пленнику, затянув узлы так сильно, что тот вскрикнул от боли. Затем осторожно задрал золоченый халат, обнажив костлявый зад вельможи. Фрэнсис задергался, пытаясь освободиться, и замычал громче. Солдаты действовали согласованно, словно все это им уже приходилось делать и раньше. Четверо из них всей своей тяжестью придавили к кровати руки и ноги жертвы, а двое других уселись ему на поясницу.

— Осторожно, не наставляйте ему синяков, — распорядился сержант.

Он медленно подошел к очагу, наклонился и поднял кочергу, затем неторопливо приблизился к кровати

и повертел кочергой перед глазами Фрэнсиса.

— Ты любишь развлекаться с задницами; посмотрим, как тебе понравится вот это, милорд.

Глаза вельможи расширились, выражение жестокости сменилось мольбой. В отчаянии он что-то неразборчиво пробормотал в повязку.

Сержант достал из-под мундира узкий полый бычий рог и проверил, проходит ли в него кочерга. Затем он положил руки на потные от страха ягодицы своего пленника и раздвинул их, открыв анальное отверстие. Поплевав на кончик рога, он снова примерился к отверстию и медленно, но решительно вставил рог внутрь, засовывая его все дальше и дальше.

— Мягко идет, милорд, — произнес он. — Не хотелось бы причинить вам боль.

Солдаты захохотали. Вельможа отчаянно сопротивлялся, его ягодицы бешено дергались, но сержант затолкал рог внутрь еще на несколько дюймов, пока снаружи не остался лишь кончик.

Фрэнсис завыл от страха. По его спине ручьями тек пот. Сержант Прудлав поднес кочергу к огню и засунул ее конец глубоко в раскаленные угли. Вельможа замычал, пытаясь что-то сказать, но сержант хранил молчание, наблюдая за кочергой и натягивая толстую рукавицу.

Через несколько минут он вытащил кочергу. Отрезок в двенадцать дюймов на ее конце был раскален добела. Сержант прошел через комнату и поднес кочергу к лицу пленника.

— Приготовились, милорд?

Глаза вельможи были готовы вылезти из орбит. Сквозь кляп

прорвался еще один протяжный стон и еще. Он пытался заговорить, давился собственной слюной и кашлял, затем снова в отчаянии пытался что-то произнести. Он рвался и метался, скинув со спины одного из солдат и высвободив руку. Но солдат тут же схватил его руку, прижав ее к кровати, а другой снова взобрался ему на спину. Сержант опять опустил кочергу в угли и подержал ее там несколько секунд рукой в перчатке. Вельможа выл не переставая.

Сержант вытащил кочергу, подошел к нему, обхватил рог, который выскользнул наружу на несколько дюймов, осторожно вставил в него раскаленный конец кочерги, словно меч в ножны, и твердой рукой с мрачной усмешкой на лице начал проталкивать ее внутрь.

Послышалось резкое шипение и

булькающий звук, когда раскаленный металл прожег мягкую плоть прямой кишки. Сразу сладковато запахло горелым мясом.

Все тело вельможи сотрясалось в агонии, из-под кляпа раздался крик, словно вырвавшийся на свободу демон; казалось, он шел от потолка, от стен, от пола комнаты; леденящий душу вопль, становившийся с каждой секундой все сильнее и сильнее, в то время как сержант безжалостно проталкивал кочергу, держа ее обеими руками, поворачивая все глубже и глубже, пока кочерга не вошла по самую ручку.

Жертва выгнулась дугой, сбросив всех шестерых солдат. Шея несчастного была скручена, как змея, голова едва не вывернулась назад, словно у него была сломана шея. Он посмотрел сержанту прямо в глаза, и на мгновение тому

показалось, что пленник собирается встать с кровати. Затем рот вельможи исказился, будто начинал таять, и из горла вырвался тихий, едва различимый смертельный стон; он постепенно перерастал в рев, становясь все громче и громче, и наконец, достигнув крещендо, казалось, отделился от потерявшего человеческий облик существа на кровати и стал сгустком энергии.

Солдаты попятились, затыкая уши, не в силах выносить звук, грозящий взорваться у них в голове и разнести ее вдребезги. Даже сержант разжал руки и закрыл ими уши.

Еще долго после того, как кочерга уже остыла и тело вельможи неподвижно лежало в луже собственных выделений и рвоты, с вонзенными в ладони ногтями, они слышали этот крик, словно он навечно поселился в их

ГОЛОВАХ.

1

26 марта 1988 года

Солнечным весенним утром по одной из улиц Лондона шагали отец и сын. Отец, высокий мужчина лет сорока, шел легким неторопливым шагом, расстегнув твидовое пальто фирмы «Харрис». Мысли его были где-то далеко, и, казалось, он совсем не замечал, что происходило вокруг.

Его волевое, открытое, красивое лицо имело добродушное или, скорее, рассеянное выражение. Длинные темные волосы, расчесанные на пробор, прикрывали уши и падали на верхнюю часть воротника пальто. Его манера держаться была явно

аристократичной, и, несмотря на деловой костюм, мужчина больше походил на ученого, чем на бизнесмена.

Пятилетний сын унаследовал черты матери: рыжие короткие кудри, серьезное веснушчатое лицо, распахнутые зеленые глаза. На нем были серые фланелевые шорты, короткая вельветовая курточка, серые гольфы и черные начищенные ботинки. Ему очень хотелось, чтобы отец шагал быстрее; эта часть Лондона не представляла для малыша интереса, за исключением Донжона¹, Тауэра и поезда в Докленд², а это все они уже прошли. При мысли о магазине на Риджент-стрит мальчика переполняло волнение, которое он едва сдерживал. Он предвкушал удовольствие от поездки туда в метро, но сейчас, после целого часа томительного ожидания в скучном

офисе, его отец, похоже, совсем не спешил. Мальчик забеспокоился:

— Папа, правда мы идем в Хэмлейс? Ты обещал.

— Хэмлейс? — Отец уставился на сына, словно не понимая.

— Ты обещал!

— Да, обещал. И мы обязательно сходим туда.

Мальчик посмотрел на отца. Он никогда не мог понять, шутит тот или говорит серьезно.

— Но ведь нам нужно совсем не сюда.

— Мы должны подождать маму.

На лице мальчика было написано огорчение.

— А где она?

— В парикмахерской. Она придет ко мне в офис в половине первого, через двадцать минут.

— А что мы будем делать сейчас?

— Надо забрать из ремонта мамин свадебный браслет.

Мальчик совсем упал духом:

— Ты же сказал, что мы идем в Хэмлейс.

— Мы пообедаем с мамой, а потом пойдем в Хэмлейс.

— Я хочу сейчас! Ты обещал! — Мальчик начал всхлипывать.

Они стояли посреди тротуара, и их все время толкали. Рядом, в переулке по правой стороне, располагалось кафе. Отец протащил капризничавшего ребенка мимо бюро по трудоустройству, туристического агентства, обувной мастерской и еще нескольких магазинчиков и остановился перед грязноватой, непривлекательной закуской. На вывеске двенадцатидюймовыми буквами было написано: «СЭНДВ...И. КАФЕ ЛУИДЖИ» — две буквы отсутствовали. К окну изнутри четырьмя присосками была прилеплена карточка меню с

надписью внизу: «Здесь или навывнос».

— Смотри, у них есть молочные коктейли, — сказал отец. — Давай возьмем.

В кафе у прилавка стояла небольшая очередь, и все столики, кроме одного, были заняты. Войдя внутрь, они почувствовали сильный запах кофе и чего-то жареного; полумертвая муха жужжала и трещала в сетке ловушки. На задней стене висели два выцветших от времени плаката с видами Неаполя и Амальфи.

Отец подтолкнул свое чадо к пустому столику и усадил. Мальчик положил на стол кулачки:

— Ты обещал! Ты обещал... ты...

Мальчик внезапно замолчал и уставился в угол. Смесь страха и узнавания отразилась на его лице. Отец обернулся, недоумевая, куда это он так смотрит. За стойкой

худой небритый мужчина лет пятидесяти радостно приветствовал посетителя:

— Привет, как делишки? Что бы вы хотели сегодня?

Рядом с ним низенькая полная женщина с тусклыми черными волосами и изможденным лицом намазывала маслом хлеб. Раздался резкий сигнал, и девушка в белом переднике вытащила блюдо из микроволновой печи.

— Хочешь шоколадный коктейль? — предложил отец, вытирая носовым платком слезы сыну.

Подойдя к прилавку, он заказал молочный коктейль с шоколадом и кофе эспрессо.

Мальчик увлекся коктейлем, забыв все обиды. Скоро уже он выскребал ложкой остатки со дна стакана, а затем старательно высосал пену через трубочку.

Когда они покинули кафе и шли обратно вдоль переулка к улице, он спросил:

— Мы сейчас встретимся с мамой?

— Да, и пообедаем. Потом пойдем в Хэмлейс, а затем в планетарий. Ты ведь хочешь посмотреть на звезды?

Мальчик с сомнением кивнул. Где-то вдалеке послышался громкий резкий звук сирены.

— Папа, почему мама всегда, когда мы приезжаем в Лондон, ходит в парикмахерскую?

— Потому что ей хочется хорошо выглядеть, — последовал ответ.

Некоторое время они шли молча. Витрины магазинов, мимо которых они проходили, ничем не привлекали мальчика. Канцелярские товары. Мужская одежда. Массонские принадлежности. Банк. Серебряных дел мастер.

Завывание сирены приближалось, и мальчик уже слышал рев мотора. Они остановились на перекрестке у светофора в ожидании смены сигнала. Мимо проехал велосипедист. На голове у него был защитный шлем с прикрывающим лицо респиратором, который, по мнению мальчика, придавал ему несколько пугающий вид. Затем он увидел на противоположной стороне улицы коротко стриженную рыжеволосую женщину. Сначала он подумал, что это его мать, и стал взволнованно дергать отца за руку, желая скорее перейти улицу. Затем он сообразил, что это чужая женщина. У матери были длинные волосы.

Звук сирены все приближался. Мальчик взглянул на отца снизу вверх и дернул его за рукав:

— Папа, как ты думаешь, а мне нужно подстричься в Лондоне?

Отец ласково взъерошил кудри сына:

— Как насчет того, чтобы пойти со мной к Трамперу в следующий раз?

Мальчик кивнул, подождал, пока отец отвернется, и быстро пригладил волосы. Затем он посмотрел на рыжеволосую женщину, которая собиралась переходить дорогу. Сейчас она опять была похожа на его мать. Это и в самом деле была его мать. Конечно она. Сердце его забилося, потом внезапный порыв ветра растрепал ее волосы, и снова это была не она, а кто-то совсем чужой.

Загорелся зеленый свет, и мальчик бросился вперед, однако что-то рывком остановило его, потянуло назад, удерживая за воротник. Послышался рев мотора и оглушающий вой сирены. Метнулась тень. Рыжеволосая

женщина была уже на середине дороги. Его мать? Или нет? Приоткрыв рот, она пристально смотрела на него. В следующую минуту она рванулась назад на тротуар.

Взвизгнули шины. Тень скрыла от него на мгновение все происходящее. Автофургон, в котором сидели двое молодых мужчин, отчаянно затормозил, и его развернуло поперек дороги — он налетел прямо на женщину.

— Мапочка! — вскрикнул мальчик.

Женщина, неестественно вывернувшись, распласталась на капоте автомобиля. Его вынесло на тротуар. Мужчина в деловом костюме едва успел отскочить в сторону. Столб светофора треснул, и цветные осколки посыпались на асфальт. С грохотом, подобным взрыву бомбы, фургон с женщиной

врезался в витрину книжного магазина.

Женщина мелькнула и исчезла. На мгновение все вокруг, казалось, оцепенело. В тишине слышался только звон бьющегося стекла. Мальчик увидел, как вываливается кусок окна, а затем услышал пронзительные крики. Хлопнули дверцы автомобиля, сирена смолкла. Из машины выскочили полицейские. Дверцы фургона тоже открылись: одна легко, а другая с трудом, человек изнутри выбил ее плечом. Мотор фургона все еще работал.

— Мамочка!

Мальчик вырвался из рук отца и в ужасе бросился через дорогу. Он расталкивал толпу, пробираясь к фургону. В это время обрушился еще один осколок витрины, и он увидел кровь. Разбросанные книги. Лежавший на полу окровавленный

плакат. В магазине пронзительно кричала продавщица, в ужасе прикрывая рот рукой. Ребенок проследил за ее взглядом. Его рот беззвучно открылся, когда он увидел лежащее на полу тело женщины. Из шеи, пульсируя, хлестала кровь. Красные пузыри лопались на серых плитках пола. Рядом, заливая кровью рассыпавшиеся стопки книг, лежала какая-то резиновая маска с волосами.

Вдруг он осознал, что это вовсе не маска. Это была голова его матери.

---

¹ *Донжон* — главная башня средневекового замка; здесь имеется в виду Белая башня Тауэра. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Докленд* — район лондонских доков.

2

Август 1991 года

Лето наконец пришло в Лондон после двух недель непрерывных дождей, и через неделю трава в парках уже высохла. Семидневная жара, казалось, вытянула последние капельки влаги из всего — из земли, тротуаров, цемента на стройке, — и мельчайшая пыль постоянно висела в воздухе неуловимой дымкой. Фрэнни Монсанто днем вдыхала ее, а вечером смывала с волос. И сейчас она чувствовала, как пыль прилипает, подобно цветочной пыльце, к ее влажной от пота коже.

Обычно в жару организм Фрэнни как бы вспоминал о своем

средиземноморском происхождении, заставляя ее ощущать всю полноту жизни. Но сегодня на работе она была даже рада приятной прохладе тяжелых сводов музея и теперь радовалась, что смогла вырваться из замкнутого городского пространства. Она села в поезд, идущий в Йоркшир.

В час пик в вагон метро набилось много народу, и Фрэнни чувствовала себя ужасно нелепой с контрабасом в руках и чемоданчиком, зажатым между ног. Через открытые окна грохочущего вагона ее лицо обдувало потоком горячего воздуха. Он нес с собой запах сажи и еще чего-то неприятного, вызывавшего ассоциацию с немывтыми ногами.

Фрэнни было двадцать пять лет; у нее были правильные привлекательные черты лица и стройная фигура. Для поддержания

формы два раза в неделю девушка занималась аэробикой и плавала в воскресенье утром в местном бассейне. Как и многие представители южных народов, ее родственники проявляли склонность к полноте в зрелом возрасте, и Фрэнни твердо решила для себя, что с ней этого случиться не должно. Так же твердо она определила и многое другое в своей жизни.

Своенравие и горячий вспльчивый характер Фрэнни иногда вырывались наружу, несмотря на то что она старалась быть сдержанной. Но главным в ее жизни была работа, которой целеустремленная Фрэнни была непоколебимо предана. Она не находила в себе таланта ученого и старалась компенсировать этот недостаток упорным трудом. Только благодаря этому она была первой на вступительных экзаменах в

университет, благодаря этому получила степень по археологии и антропологии, причем с даже более высокими оценками, чем рассчитывала. Фрэнни едва могла поверить своему счастью, когда через несколько недель после окончания университета ей предложили место научного сотрудника в Британском музее, где она с тех пор и работает.

У нее были пышные каштановые волосы, подстриженные с боков и спадавшие на плечи, прямой нос, глаза оливкового цвета и чувственный выразительный рот, который довольно часто трогала улыбка, несмотря на то что Фрэнни была девушка серьезная. Будучи ростом пять футов четыре дюйма, она хотела бы быть чуточку повыше, но в общем и целом не могла пожаловаться на свою внешность.

На ней были кроссовки «Найк», синие джинсы, оранжевая футболка и черная хлопчатобумажная куртка. На плече висела большая кожаная сумка, купленная четыре года назад в Неаполе, куда Фрэнни ездила навестить родственников, и уже слегка истрепавшаяся от ежедневной носки. Фрэнни не особенно интересовалась одеждой и терпеть не могла ее покупать. Во всяком случае, археологам платили не так уж много, и она с трудом откладывала деньги на собственную квартирку, чтобы перебраться из того отвратительного места, где она сейчас снимала комнаты. Джинсы прекрасно подходили для ее работы, и она из них не вылезала, за исключением торжественных случаев.

А таких случаев у нее было мало — с тех пор, как больше шести месяцев назад она прекратила

встречаться со своим парнем и, к своему удивлению, обрадовалась появившейся свободе. Она много читала, смотрела хорошие фильмы, ходила на выставки.

Но она знала, что это ненадолго. Интерес к мужчинам был неотъемлемой чертой ее натуры, и секс доставлял ей огромное наслаждение.

«Вы ни о чем не мечтаете?» — вопрошало рекламное объявление на стенке вагона перед ее глазами.

Напротив нее стоял долговязый парень с торчащими передними зубами. Он пялился на ее лицо, на контрабас, затем вновь на нее. Фрэнни поймала его взгляд, посмотрела на него в упор, и он поспешно отвел глаза. Поезд качнуло, и она чуть не потеряла равновесие, толкнув здорового мужчину в майке, с татуировкой на руках. При этом контрабас

угрожающе нахренился. Она уже жалела, что так легко согласилась тащить его.

Контрабас принадлежал Меридит Миннс, ее подруге по археологическому факультету Лондонского университета, с которой они в последний год учебы делили комнату. Меридит целый год выбирала между музыкой и археологией, а потом влюбилась в фермера и уехала с ним в Северный Йоркшир. Она родила двоих детей, одному из которых Фрэнни была крестной матерью, и, казалось, вполне довольна своей участью.

Пригласив Фрэнни приехать погостить у них, Меридит спросила, не затруднит ли ее забрать инструмент из ремонтной мастерской на Ковент-Гарден. Она даже сказала, что оплатит такси, но Фрэнни не любила разбрасываться деньгами, как своими, так и

чужими. Поэтому, получив инструмент в мастерской, она решила, что он хотя и громоздкий, но не тяжелый и с ним можно прекрасно доехать и на метро. Сейчас она начала сознавать, что это было несколько опрометчиво.

Поезд замедлил ход, и Фрэнни сильнее вцепилась в поручень, качнувшись в сторону парня с торчащими зубами. Яркие огни промелькнули за окнами, и поезд въехал на станцию. Она увидела надпись «Кингс-Кросс», и поезд остановился. Фрэнни вынесла чемоданчик и контрабас и потащила их к эскалатору.

В помещении вокзала тянулись длинные очереди к билетным кассам и выходам на платформы. Пассажиры торопились, некоторые тщательно пытались протиснуться сквозь толпу.

Люди перелезали через чужие

чемоданы. Какая-то беззубая старуха остановилась со своей тележкой для багажа и нетерпеливо причмокивала губами, ожидая, когда Фрэнни отойдет. Но Фрэнни не замечала ее, пытаясь разобраться в табло отправлений поездов. «Йорк, — прочитала она. — 17:34. Платформа 3». Девушка огляделась в поисках тележки и, не увидев ни одной, подтащила свой багаж к очереди в кассу. Прозвучал сигнал, предупреждавший, что сейчас будет сделано объявление. Капли пота катились по шее Фрэнни. Она купила билет и встала в другую очередь — к выходу на платформу. Поезд только что прибыл, и голос из громкоговорителя произнес: «Прибыл поезд 14:52 из Йорка. Британская железная дорога приносит свои извинения за опоздание».

Двери вагонов открылись еще до

того, как поезд окончательно остановился, и пустая платформа в считанные секунды превратилась в бурлящий людской поток. Фрэнни услышала крик и увидела маленького мальчика, который пробежал мимо билетного контролера и затерялся в толпе. За ним с озабоченным видом спешил мужчина. Фрэнни зажала билет в зубах, взяла чемодан и продвинулась немного вперед, толкая перед собой контрабас. Повторив эту процедуру несколько раз, она добралась наконец до выхода и вручила контролеру билет.

Разговаривая со своим коллегой, он не глядя прокомпостировал и вернул ей билет. Девушка стала пробираться вперед, и контрабас с каждым мгновением становился все тяжелее. Пройдя немного по платформе, Фрэнни позволила себе сделать передышку. Где-то впереди

она услышала крик ребенка:

— Нет! Я не хочу! Я не хочу!

Его голос прорвался сквозь шум вокзала. Несколько человек оглянулись.

— Я ненавижу тебя!

Толпа начала редеть, и Фрэнни увидела мальчика лет восьми — того самого, который несколько минут назад пробежал мимо контролера. Он пытался вырваться из рук человека, тащившего его по платформе к выходу.

— Отпусти меня! Отпусти!

Когда они поравнялись с Фрэнни, мальчик вдруг замолчал и пристально посмотрел на нее. Фрэнни вдруг показалось знакомым его лицо, как будто она видела его когда-то раньше. Мужчина тоже напоминал ей кого-то. Ему лет тридцать пять, решила она. Высокий, красивое, открытое лицо и темные, расчесанные на пробор

волосы. Он напомнил ей киноактера Харрисона Форда, и она задумалась, где же могла его раньше видеть. Возможно, это действительно какой-нибудь актер или политический деятель.

Мужчина остановился, заметив интерес мальчика к Фрэнни, и улыбнулся ей, как бы извиняясь за беспокойство. Ребенок с любопытством рассматривал контрабас.

— Разрешите, я помогу вам, — негромко, но настойчиво произнес мужчина с легкой иронией.

В его тоне слышались и юмор, и спокойная уверенность в себе, характерная для представителей высших классов. Он был одет в немного старомодный, но хорошо сшитый полотняный костюм, рубашку из джинсовой ткани с двухцветным розово-зеленым галстуком. Фрэнни поддалась его

обаянию.

— О, благодарю вас, я...

— Ну что вы. В какой вам вагон?

У вас указано место?

— Нет, можно в любой.

— Куда вы едете?

— В Йорк.

— Ну, мм, тогда мы посадим вас вперед. Вам будет удобнее выходить.

Он подхватил контрабас и чемоданчик.

— Ну все же... Это как-то... — проговорила Фрэнни, чувствуя себя неловко.

— А что здесь? — спросил мальчик, показывая на футляр. У мальчугана было открытое веснушчатое лицо и вьющиеся рыжие волосы. Глаза смотрели очень серьезно.

— Контрабас, — ответила Фрэнни. Она шла за мужчиной, а мальчик шагал рядом с ней.

— А почему он в ящике?

— Чтобы было легче нести. —
Девушка улыбнулась, чувствуя
необъяснимую симпатию к нему.

— Мы только что были в музее
авиации и в зоопарке, — сообщил
мальчик.

— Правда? — вежливо сказала
Фрэнни.

— В Уипснейдском зоопарке,
который в Бедфордшире. Я катался
на слоне и на верблюде. Верблюд
сначала лег, чтобы я мог на него
сесть. Они всегда так делают.

— А я и не знала, что они такие
любезные. И кто же тебе больше
понравился?

Мальчик на мгновение задумался.

— Наверное, верблюд, потому
что, если он живет у тебя дома, его
не обязательно поить каждый день.
Но он может и убить тебя.

— В самом деле? — Фрэнни
удивила его рассудительность.

— Это точно, — сказал он с серьезным видом.

— Может быть, здесь? — обратился к ней мужчина.

— Очень хорошо, просто положите вещи, и все. Очень мило с вашей стороны.

Мужчина занес футляр в поезд и запихнул в багажное отделение в конце купе. Фрэнни взяла сумку, но он, отняв ее у девушки, направился в купе и положил сумку рядом с контрабасом.

— Прекрасный город Йорк, — произнес он.

— Эборакум³, — ответила Фрэнни, сама не зная, почему сказала это.

Он посмотрел на нее, словно изучая музейный экспонат под стеклом. Она взглянула в его глаза васильковой голубизны, красоту которых подчеркивали тонкие, четко очерченные брови.

— Ага, — произнес он с легкой усмешкой. — Студентка, изучающая латынь.

Фрэнни улыбнулась в ответ:

— Нет, я не студентка.

— А я учусь играть на пианино, — заявил вдруг мальчик.

— Да ну?

— Да. Правда, мой учитель не слишком хорош... Я хотел бы научиться играть на гитаре, когда вырасту.

Фрэнни посмотрела на отца малыша. Ей показалось, что она его интересуется. Он колебался, как будто хотел что-то сказать, но вдруг покраснел и перевел взгляд на сына.

— Ну... — Мужчина похлопал себя по карманам.

Его пиджак был весь измят, а на ногах у него были изрядно поношенные грубые коричневые башмаки, хотя и старательно начищенные. Мальчик выглядел

значительно лучше отца, в белой с открытым воротником рубашке на пуговицах, серых шортах с отворотами и башмаках на резиновой подошве.

— Все-таки лучше, если... мм... есть кому помочь в поезде. — Он с улыбкой посмотрел на Фрэнни, снова порываясь сказать что-то еще.

— Спасибо, — произнесла Фрэнни. — Большое спасибо.

Ей хотелось еще поговорить с ним, но вдруг она обнаружила, что стоит и смотрит, как мужчина с мальчиком шагают по платформе по направлению к выходу.

Она вошла в купе, которое постепенно заполняли люди, и поторопилась занять место у окна. Перед ее взором стояло лицо этого человека. Фрэнни почувствовала волнение. Она вспомнила интерес в его глазах, чувство взаимного притяжения. Внезапно Фрэнни

захотелось выскочить и побежать за ним, чтобы не прерывать мимолетный духовный контакт, установившийся между ними.

Впрочем, может быть, ей только показалось. И в конце концов, она не желала делать из себя посмешище. Фрэнни вдруг почувствовала себя необычайно хорошо и улыбнулась. Приятно осознавать, что ты кому-то нравишься, особенно после такого долгого перерыва. Она откинулась на спинку сиденья, открыла сумку и вытащила два журнала: «Античность» и «Антикварный журнал». Отложив их в сторону, она достала роман Роберта Годдарда «Не прощайтесь». Название показалось ей очень символичным.

Поезд дернулся, затем еще раз и тихо двинулся вперед. Фрэнни взяла один из журналов и раскрыла на последней странице, откуда обычно

начинала. Но прошел еще час, прежде чем она смогла успокоиться и углубиться в чтение.

---

³ *Эборакум* — римская крепость I века, на месте которой вырос город Йорк.

3

Уличное движение застопорилось. Двигатели рычали и грохотали, автомобили гудели. Воздух над капотами машин колыхался от жары, и блестящие позолоченные столбики дорожного ограждения мерцали, как отражение в беспокойной воде пруда. Над ними возвышался Британский музей, занимавший здесь, в Блумсбери, целый квартал, — величественное здание, окруженное четырьмя дорогами, как некий остров, для которого не существует течения времени.

В галереях и комнатах, за изящными порталами были разложены осколки прошлого,

аккуратно снабженные этикетками, — тщетные попытки каталогизировать тысячелетия хаоса. Здесь были «Древний Иран», «Коптская живопись», «Италия до Римской империи». Посетители разглядывали сквозь стекло тело человека, сохранившееся в торфяном болоте, драгоценные короны умерших императоров, глиняные таблички, резные фигурки богов, вазы эпохи Мин, обломки мисок для супа эпохи неолита, страницы развернутых манускриптов, которые словно ожидали, что их давно умершие авторы внесут последние исправления.

Мало кого музей оставлял равнодушным. У большинства он невольно вызывал мысль о ничтожности человека и о его возможностях, пробуждая чувство священного трепета перед этим

грандиозным собранием, превосходящим все, на что способен даже гений.

За тихой вереницей галерей лежал лабиринт коридоров и подвалов, в которых работал многотысячный штат и где во время войны прятали бесценные экспонаты. Один из немногих, кабинет Фрэнни не имел окон, был тесен, но ей было все равно. Она любила этот музей и до сих пор, проходя утром под великолепными фронтонами, не могла поверить, что работает здесь уже три года. И время от времени, когда монотонность ежедневной работы повергала ее в уныние, Фрэнни говорила себе, что это только начало карьеры и впереди ее ждет что-нибудь более захватывающее.

Она уже двенадцать месяцев проводила проверку и перепись бесчисленных сокровищ,

хранившихся в подвалах, скрытых от публики из-за нехватки места. Это было нудное занятие, но она все время училась, расширяя познания как в своей области — Древнего Востока, — так и в других. После Рождества она впервые собиралась в Гималаи, в шестинедельную командировку на раскопки. Фрэнни с нетерпением ждала этого, и ее деятельный босс, начальник отдела Деклан О'Хейр, намекнул на ее участие в новом и еще более интересном проекте музея.

По правде говоря, то радостное ожидание, которое Фрэнни испытывала по окончании университета, несколько померкло после столкновения со скучной реальностью. Так, она узнала, что один человек может раскопать лопатой от силы несколько квадратных футов в день. Может быть, десяток квадратных ярдов за

две недели. Исследователь может копать всю жизнь на одном месте и все же найти лишь малую долю того, что скрыто в земле, лишь осколки прошлого. Похороненным в земле оставалось гораздо больше, чем было найдено. Земля неохотно расставалась со своими секретами. Временами казалось, что работающие на раскопках — лишь игрушки в руках какой-то сверхъестественной силы, которая позволяет им строить теории, а потом разрушает их. Как будто правила игры не позволяют, чтобы разрозненные части соединились в целое.

Прелесть археологии для Фрэнни заключалась в том, чтобы держать в руках свои находки, смотреть на них, мысленно воскрешая прошлое. Она всегда старалась представить себе прошедшие события, с тех пор как прочитала первую книгу по

римской истории в школе. Страницы книги оживили для нее мир Цезаря, и с тех пор она проглотила сотни исторических книг. Прошлое восстанавливалось по кусочкам — ручка от ложки, брошка, бусы, ободок горшка, кусочки мозаики, — найденным ею на раскопках.

В хорошую погоду в обеденный перерыв Фрэнни съедала свой сэндвич на скамейке в ближайшем парке. Иногда к ней присоединялся кто-нибудь из ее друзей, работавших в Вест-Энде и приезжавших сюда на автобусе, или же она обедала в компании музейной молодежи. Но сегодняшний день был исключением. Трясаясь от страха, она пересекла массивный главный зал и, обогнув поток посетителей, вышла через ворота в черно-золотой

ограде на дымную, людную Грейт-Рассел-стрит.

Фрэнни всю жизнь боялась зубных врачей. Ее желудок сжался, когда она, пройдя по Чаринг-Кросс-роуд и свернув в узкий переулок, остановилась перед маленькой пластмассовой табличкой «Зубной врач», которую следовало бы почистить. Поднявшись по лестнице, она назвала свое имя блондинке в регистратуре.

— Франческа Монсанто. Я записана к мистеру Гебби, — сказала она.

Девушка заглянула в список.

— Проходите, первая дверь направо.

Фрэнни вошла в крошечную приемную с полудюжиной пластмассовых стульев. Неряшливо одетая женщина с надеждой взглянула на Фрэнни, будто желая, чтобы та пролезла без очереди. Из

сумки неряхи высыпалась на пол куча свертков с продуктами.

Фрэнни села, открыла сумочку и, чтобы отвлечься, вытащила свою записную книжку. Не обращая внимания на брошюры «Национальное здоровье», разбросанные на маленьком журнальном столике, она раскрыла книжку, потянув за ленточку закладку, и посмотрела записи на уик-энд и следующую неделю. В субботу вечеринка у Клайва Брасуэла. Она подумала, что его крошечная квартирка на Портобелло-роуд, должно быть, развалится, так как туда обычно набивалось огромное количество народу, но там всегда был шанс встретить приличного одинокого мужчину.

Клайв, как и она, был научным сотрудником музея. Фрэнни подумала, что жизнь музея не

особенно отличается от жизни колледжа. Те же развлечения, те же замкнутые группки, та же атмосфера прилежности и старания. Но это было более серьезно. Они внутренне чувствовали свое предназначение и имели ясную цель. У Фрэнни был здесь свой круг друзей, но она старалась не замыкаться в нем и использовала любую возможность на некоторое время сменить обстановку, например поехать в Йорк. Меридит Миннс была далека от этого мира.

Течение ее мыслей внезапно прервал холодный голос:

— Миссис Лоу?

Хозяйственная сумка зашуршала, и ее владелица направилась к двери, тяжело ступая. Фрэнни положила записную книжку в сумку и, взглянув на журнальный столик, заметила среди брошюр несколько журналов. Она увидела номер

«Новой женщины» под «Частным детективом» и потянула к себе. При этом «Частный детектив» соскользнул со стола и упал, раскрывшись. Фрэнни нагнулась и подняла журнал. Он был открыт на странице частных объявлений. «Знакомства» — было название одной из колонок. Она из чистого любопытства заглянула туда.

«Лысеющий, около пятидесяти. Не толстый, если втянуть живот. Собственный дом в Лондоне и несоизмеримый доход. Заядлый курильщик, гороскопами не интересуюсь. Ваши предложения?»

«Энергичный, регулярно моющийся, умный двадцативосьмилетний молодой человек будет подходящей парой молодой красивой деловой женщине, живущей в Лондоне. Храню верность одной...»

«Женщина ищет эксцентричного

человека, чтобы восхищаться им. Мидлендс. Почтовый ящик...»

Фрэнни было очень интересно, кто же дает такие объявления. Неужели это такие же люди, как она? Или же они совсем потеряли надежду. А может, дело в принципах? Она пробежала глазами страницу и остановилась на колонке «Требуется».

«Отчаявшийся студент срочно ищет средства для продолжения обучения. Честно. Заранее спасибо. Почтовый ящик...»

Вдруг заголовок одной колонки привлек ее внимание: «Девушка с контрабасом! Вы пробивались через толпу на платформе вокзала Кингс-Кросс с контрабасом в руках, торопясь на поезд в Эборакум, в пятницу 10 августа? Я тот человек, который помог вам. Я хотел бы снова встретиться с вами».

Фрэнни   посмотрела   на

объявление, не веря своим глазам. Наверное, ей почудилось! Эборакум. Римское название Йорка. Она сказала это мужчине, и он понял ее.

Фрэнни вновь прочитала объявление и почувствовала странное смущение. В глубине души она все еще сомневалась. Могли, конечно, быть и другие девушки, пробирающиеся по платформе, с другими контрабасами. Но они не направлялись в Эборакум.

«Господи!» — возбужденно воскликнула она мысленно и тут же почувствовала себя ужасно глупо. Мелькнула мысль об осторожности, и на мгновение Фрэнни решила, что это чья-то тщательно продуманная шутка. Девушка, закусив губу, посмотрела в потолок, потом огляделась.

Она прочитала объявление еще

раз. Это про нее! Про нее. Она улыбнулась, словно в ответ на шутку того человека, который просил ее откликнуться. Из всех десятков тысяч людей, читавших это объявление, оно было предназначено ей, и только ей. И она увидела его.

Фрэнни попробовала вспомнить лицо мужчины, но оно было как в тумане. Внимательный взгляд его голубых глаз, сходство с Харрисоном Фордом. Тепло во взгляде, в голосе. Мальчик, который так странно смотрел на нее. Рыжие кудри, веснушки, серьезное, заплаканное лицо...

Ее вновь охватило волнение. Какое-то сумасшествие! Она вспомнила то внезапное необъяснимое притяжение, снова ощутила его. Бывает же так, встречаешь абсолютно постороннего человека, и через

несколько мгновений уже кажется, что это давний друг.

Покопавшись в сумочке, Фрэнни вытащила ручку и записную книжку и переписала номер почтового ящика из объявления и адрес журнала.

Как только она захлопнула записную книжку, ее вновь стали одолевать сомнения. Как будто что-то было не так, но она не могла сказать что. Фрэнни была в замешательстве. Она прогнала прочь неприятные мысли, еще раз прочитала объявление и снова улыбнулась. Через десять минут, когда ее пригласили в кабинет стоматолога, она все еще задумчиво улыбалась.

Когда Фрэнни с двумя новыми пломбами вернулась в музей, Пенроуз Споуд сидел за своим столом, величественно-спокойный, как статуя Будды, аура

снисходительного превосходства окружала его. Он был ее коллегой, и они работали в одном кабинете.

Как и большинство служебных помещений в этом здании, их кабинет был больше в высоту, чем в ширину. Вдоль стен до потолка высились шкафы с книгами и каталогами. Дисплеи компьютеров и кнопочные телефоны выглядели на старинных деревянных столах нелепо, как сценические декорации.

Их столы стояли друг против друга: Споуда — такой же безукоризненный, как и он сам, с тщательно выровненными стопками бумаг, и ее — напоминавший о ядерной катастрофе. Споуд сидел чрезвычайно прямо, выпятив грудь. Узел галстука цвета лишайника был ровень с адамовым яблоком. Черные волосы так приглажены и прилизаны, что напоминали шкуру тюленя; маленькие близорукие глаза

прятались за линзами очков; небольшой рот с плотно сжатыми губами образовывал идеальный кружок, напоминающий резиновую пробку.

Споуду было двадцать восемь лет; он отличался сухим язвительным юмором, страстью к порядку, пунктуальностью и логикой, без которых, по его мнению, нельзя было выстроить гармоничную жизнь. Он все делал в своем обычном неторопливом темпе, как бы считая, что не стоит понапрасну тратить энергию, и относился к работе с некоторой инертностью, так же как к жизни в целом. Археология была для него всем, и других интересов у него не было. На работу он ездил на старомодном велосипеде. Велосипедные зажимы висели на крючке за дверь, вместе с защитным шлемом, респиратором и

светоотражающим поясом.

Появление Фрэнни, опоздавшей к концу обеденного перерыва, сбило ход мысли Споуда. Усаживаясь за свой стол, Фрэнни успела заметить, как он три раза набрал и стер одну и ту же строку на экране компьютера.

Он взглянул на нее с явным раздражением.

— Я уже думал, ты сегодня больше не появишься, — сказал он. — Ты что, была в подвале?

— У зубного врача, — пробормотала она, наркоз еще действовал.

Споуд вздохнул, глядя, как Фрэнни с шумом открывает и закрывает ящики своего стола в поисках чистой бумаги.

— Да, тут тебе звонили, — произнес он. — Мистер Джапп из Библиотеки Бодли. Он сказал, что нашел нужную тебе ссылку.

— Спасибо, — ответила она,

думая о другом.

— Он сказал, что ты очень обрадуешься. — В голосе Споуда послышались нотки горечи, так как Фрэнни продолжала копаться в ящиках, наводя порядок, а затем, расчистив место на столе и достав лист бумаги, начала писать. — Он просил позвонить не позже трех, — произнес Споуд, выразительно посмотрев на часы.

Фрэнни не замечала этого. Она изо всех сил старалась писать разборчиво и гадала, стоит ли на всякий случай указать домашний адрес и телефон, но вдруг поняла, как неудобно будет себя чувствовать, если он вдруг позвонит в офис. Пенроуз Споуд всегда одним ухом слушал, о чем она говорила по телефону. Фрэнни решила написать свой домашний телефон, не указывая адрес. Конечно, она понимала, что ее имя

не очень распространено и он вполне может выяснить адрес, зная телефон и фамилию, но это была хоть какая-то мера предосторожности, на случай если этот человек окажется психом.

Фрэнни пять раз переписывала текст, прежде чем сочла его приемлемым: «Я та девушка, которая несла контрабас по платформе вокзала Кингс-Кросс в пятницу 10 августа. Вы ли тот любезный мужчина с маленьким мальчиком, которые шли из зоопарка? Я буду очень рада вновь встретиться с вами. *Франческа Монсанто*».

По дороге домой Фрэнни заглянула на почту и, купив марку, аккуратно наклеила ее на конверт. Потом она долго стояла у почтового ящика с письмом в руках, чувствуя, что если она опустит письмо, то обратного пути уже не будет.

К метро Фрэнни шла быстрой,
уверенной походкой, на душе у нее
было легко.

4

Предчувствие чего-то нехорошего нахлынуло на Фрэнни через несколько часов после того, как она опустила письмо. Она не могла сказать, что именно ее пугает, но чувствовала, что поспешила и ей следует быть осторожной. Фрэнни не давала покоя мысль о том, насколько ничтожным был шанс, что она заметит объявление.

Она задумалась, где еще он мог поместить его и сам ли он решил сделать это или просто поспорил с друзьями. А может быть, промелькнула мрачная мысль в ее голове, он делает это регулярно ради знакомства с женщинами.

Она отправила письмо в пятницу,

и оно должно прийти в редакцию «Частного детектива» в понедельник. В зависимости от того, насколько быстро они переправят его, оно достигнет адресата самое раннее в четверг. Но, несмотря на это, каждый телефонный звонок в течение уик-энда заставлял сжиматься ее сердце, и она брала трубку с трепетным волнением.

На вечеринке в субботу она посвятила во все Кэрол Болтон, свою ближайшую подругу в музее. Кэрол, будучи по натуре паникершей, удивила и несколько напугала ее. Она посоветовала Фрэнни, если он все-таки позвонит, встречаться в общественном месте и даже предложила пойти с ней и понаблюдать издали на всякий случай. Фрэнни пообещала назначить встречу только в многолюдном месте, но сказала, что

будет чувствовать себя неловко под взглядом Кэрол.

В понедельник она обедала в кафе неподалеку от музея вместе с Дебби Джонсон — давней школьной подругой, которую знала с тринадцати лет. Дебби всегда была ужасно суматошной и проказливой. Маленького роста, с большими оленьими глазами и светлыми волосами, пряди которых необузданно торчали во все стороны из-под небрежно повязанной косынки, она, казалось, делала все возможное, чтобы хоть частично скрыть привлекательность.

— Гм, — в задумчивости произнесла Дебби. — Все это выглядит очень миленько. Со мной такого еще ни разу не случилось.

Дебби работала в службе по связям с общественностью сети магазинов модной одежды. Она за все бралась с энтузиазмом, и эта ее

черта нравилась Фрэнни. Дебби сообщила ей, что, по ее мнению, это все ужасно романтично, но, как и Кэрол Болтон, посоветовала назначить встречу в людном месте. Если он вдруг какой-нибудь маньяк, сказала она, ему вряд ли удастся убить ее в переполненном баре.

Они обсудили тот факт, что он был на платформе один с сыном. Значило ли это, что он разведен, или вдовец, или же счастливо женат и просто ищет любовных приключений? Дебби сразу же отбросила версию о благополучной семье; по ее мнению, в таком случае он вряд ли бы стал рисковать, давая объявление. В этом Фрэнни с ней была согласна.

Во вторник никто не позвонил. Фрэнни не пошла на аэробику в среду, чтобы быть дома, если он позвонит. Но телефон молчал.

Он позвонил на следующий день

вечером, в половине девятого. Она была в ванне, когда раздался звонок, и на мгновение забыла про объявление, вспоминая спор с родителями... В воскресенье она, как обычно, обедала у них в Бетнал-Грин. Ее мать начала свои нескончаемые упреки: Фрэнни ведь скоро уже двадцать шесть, а она все еще не замужем и даже не собирается выходить за кого-нибудь и рожать детей.

На отца снова нашло отчаяние. В таком состоянии он всегда качал головой и пытался взывать к ее благоразумию, спрашивая, что она нашла в этой археологии. Он не мог понять, как его дочь, попав в университет, не стала после этого работать в промышленности или юриспруденции, предпочитая существовать на скудную зарплату и проводить время, разглядывая то, что он называл старыми камнями и

костями. Фрэнни приходилось выслушивать все эти доводы, повторявшиеся с утомительным постоянством два-три раза в год, с тех самых пор, как она в первый раз объявила о своем желании изучать археологию. Пока она училась в университете, ее отец не был так настойчив, надеясь в глубине души, что Фрэнни видит в этом какую-то непонятную ему выгоду. Но теперь, особенно в плохом настроении, он во всех своих неудачах винил только дочь. По его мнению, она предала все, ради чего он работал всю жизнь. У нее не было желания разбогатеть. Отец не мог понять ее. Они с матерью пожертвовали всем, чтобы попасть в Англию и иметь возможность зарабатывать деньги.

В ответ на это Фрэнни рассерженно заявила, что не понимает, как можно в течение тридцати лет держать кафе в центре

Лондона и не заработать ничего. Обед закончился криками, причем младшая сестра Мария Анджела приняла сторону Фрэнни, а брат Паоло — сторону родителей. Шум в конце концов улегся, но натянутость осталась, и Фрэнни, возвращаясь вечером в Клэпем, сердилась на себя из-за того, что была несдержанна с родителями, и чувствовала себя очень одинокой.

Ее родители работали изо всех сил, они старались, дали ей какой-то шанс в жизни. Может, они правы, и она поступает по отношению к ним нехорошо. «Насколько все проще у животных», — подумала Фрэнни. Они покидают семью, как только становятся самостоятельными и способны прокормить себя. Фрэнни вспомнила, как часто прибегала к родителям, порвав с очередным парнем или же просто в плохом настроении, и они садились рядом,

давали советы, шутили, вселяя в нее уверенность. Она уже чувствовала себя виноватой за то, что накричала на них.

Она лежала в ванне в своей квартире, поджав колени. Ванная комната была отвратительная: крошечная, тесная, без окон, с настолько убогой и узкой ванной, что Фрэнни даже не могла в ней вытянуться. Краны протекали уже три года, с тех пор как она въехала сюда. Несмотря на ее многочисленные звонки домовладельцу, раковина грозила отвалиться от стены в любую минуту и к тому же была так мала, что в ней едва помещались обе руки.

Коридор был, наоборот, просторным: больше, чем ее, вместе взятые, спальня и гостиная, она же столовая. Вдоль тусклых стен тянулись массивные трубы, которые угрожающе вибрировали, в них

булькала вода, когда зимой включали центральное отопление. Эти звуки разносились по всему дому, как эхо шумно включающегося и выключающегося с нерегулярными интервалами бойлера. Фрэнни была убеждена, что однажды все это взорвется и дом взлетит на воздух.

Она села в ванне и начала намыливать грудь. Звонок вывел ее из состояния задумчивости. Она вскочила, расплескав воду на пол и выпустив из рук мыло, которое нырнуло в воду.

Она инстинктивно почувствовала, что это он, и, выбираясь из ванны, старалась представить себе его лицо, но все, что ей удалось вспомнить, — это маленький мальчик с рыжими волосами и веснушками, показывающий пальцем на контрабас. Она видела перед собой мятый полотняный

костюм мужчины, но его лицо куда-то ускользало.

Вода ручьями стекала с нее. Пальцы скользили по дверной ручке, и ей пришлось обернуть их полотенцем, чтобы открыть дверь. Распахнув ее, она устремилась через коридор и гостиную с зеленым ковром на полу к коричневому телефону, стоявшему на дешевом, хлипком столике, купленном на ее собственные деньги. Мокрые волосы в беспорядке падали на лицо и шею.

— Алло, — произнесла Фрэнни, стараясь говорить бесстрастно, но прозвучало это скорее как сдавленный писк.

— Это... э-э... Франческа Монсанто?

Она сразу же узнала этот голос. Сначала колебание, потом спокойная уверенность, даже властность.

— Да, слушаю вас, — сказала она.

При звуке мужского голоса в ее памяти прояснилось, и она отчетливо представила себе того, кто звонил.

— Это ваш носильщик.

Эти слова на мгновение вызвали у нее недоумение, затем, поняв, она рассмеялась.

— А, да, здравствуйте. Вы получили мое письмо? — спросила она, тут же осознав бессмысленность своего вопроса.

— Сегодня утром.

Вода текла по щеке. Молчание затягивалось.

— Я отправила его в пятницу.

— А как... э-э... как прошел концерт? — спросил он.

— Концерт? — переспросила Фрэнни недоуменно.

— В Йорке...

— Концерт?.. А-а! — У нее